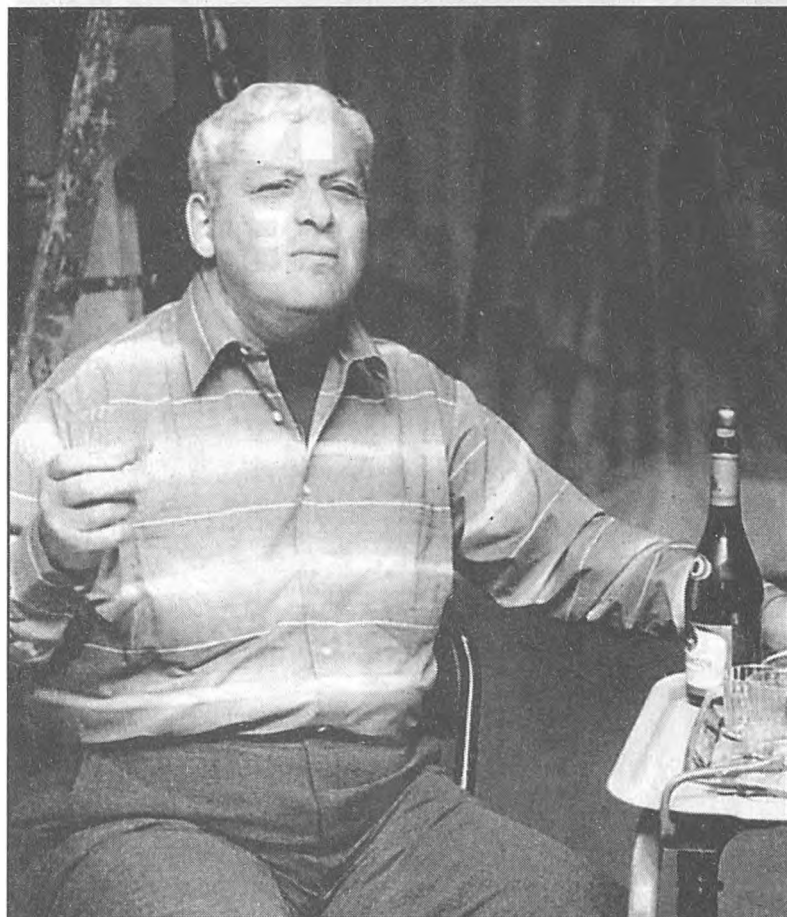

Борис Казинец в роли Алексея в спектакле «Танго в сентябре».

го один придет на час позже, другой на час раньше, третий вообще не придет. Что делать – у каждого работа, дела, каждому надо кормить семью: мы ведь за репетиции не платим. А потом, когда начинаются спектакли, мы собираемся за час до начала, быстренько вспоминаем – и вперед. На большее нет времени и сил.

Я прекрасно понимаю, что так нельзя, что это непрофессионально, что даже великолепные актеры в такой ситуации теряют форму и превращаются в любителей, но ничего сделать не могу. Потому что если я попробую прикрикнуть, повысить голос и приказать: «Вы должны сегодня прийти на распевку, или на тренинг, или просто порепетировать», мне сразу скажут: «Плати».

А денег-то у меня нет. И очевидно не будет.

Тем не менее какие-то светлые мгновения за эти пять лет у нас были. И удачные спектакли тоже – пусть не на глобальном уровне. К счастью, они все есть у меня на видеоленке. Когда-нибудь какой-нибудь дотошный исследователь изучит наше «наследие» и, может быть, придет к выводу, что все-таки кое-что хорошее мы сделали.

ПУБЛИКА ЕЩЕ НЕ СОЗРЕЛА

Никогда нельзя забывать, что театр – это искусство, очень сильно зависящее от публики. Любой спектакль должен быть сделан так, чтобы на него пришел зритель. Другое дело – сколько зрителей. Это может быть и 100 зрителей, и даже 50. Для этого существуют маленькие залы и камерные, интимные спектакли. Нет ничего плохого в том, чтобы поставить спектакль, на который гипотетически придет всего 500 человек, и сыграть его 10 раз в зале на 50 человек. Но зал должен быть полон. Всегда! В неполном зале и у зрителей, и у артистов создается ощущение дискомфорта. В неполном зале не может быть настоящего успеха – я в этом глубоко убежден.

Поэтому театральный продюсер должен все правильно рассчитывать. Если не будет успеха – незачем делать спектакль. В данном случае, я не говорю только о коммерческом успехе, который является лишь составной частью успеха вообще. Успех – это и аплодисменты, и цветы, и полный зал, и хорошие отклики друзей, и хорошие рецензии, и чувство удовлетворения у создателей спектакля. Все это вместе – слагаемые успеха. А деньги, ну что ж, конечно, в маленьком зале не может быть много денег, маленький зал не может быть коммерческим. Однако всегда может быть найден правильный спонсор даже на маленький зал, и спектакль может принести большое творческое удовлетворение. Если люди занимаются любимым делом и при этом, по крайней мере, не несут финансовых потерь – это уже колоссальный успех.

Хуже всего, когда спектакль не вызывает никакого интереса, когда потенциальных зрителей у него – 0.

Так у нас получилось с детским спектаклем (по О.Генри). Конечно, 0 – это я преувеличиваю, пару раз мы его сыграли, и какой-то народ был, но в целом никакого интереса этот спектакль не вызвал – ни у детей, ни у взрослых. Мы не учли, что наши дети плохо понимают по-русски. Уступкой дурному вкусу и ложно понятой коммерции был спектакль «Шерше ля фам». В нем было слишком много шуток «ниже пояса». Мне такое не очень нравилось сразу, но я думал, это привлечет публику. Надежды оказались тщетными – публика осталась равнодушной.

«Бедная Лиза» по Карамзину, поставленная Марком Розовским с нашими лучшими актерами, выдержала девять спектаклей. «Айседора и Сергей» – драма о Сергее Есенине и Айседоре Дункан, где главные роли прекрасно играли Елена Соловей и Юрий Наумкин – одиннадцать полупустых залов. «Экспромт-фантазия» (две одноактные пьесы «Жорж Санд и Шопен» и «Старая мелодия»), поставленные режиссером из Финляндии Виктором Древицким, – шесть-семь спектаклей, мало народу, никакого интереса.

Пожалуй, только три наших спектакля – «Молдаванка» по Бабелю, «Танго в сентябре» Рацера и «Шалом, Америка» по Шолому Ашу – соответствовали необходимому балансу между коммерцией и здравым смыслом. Они всегда игрались при полном зале: «Молдаванка» – более 50 раз, «Танго в сентябре» – более 40, «Шалом, Америка» – более 20...

За пять лет мы поставили в общей сложности 10 спектаклей и выходили на сцену более 200 раз, провели свой собственный театальный фестиваль, ездили с гастролями по всей стране, показывали свои спектакли в Израиле. Кто помогал нам выжить?

Поддерживала нас группа замечательных людей, объединенных только одним – любовью к театру, к искусству вообще. Они искренне считают, что искусство надо нежить и лелеять, как ребенка, иначе оно не выживет, задохнется в этом безумном мире. И они протягивали нам свою руку все эти годы. Кто-то давал 10 долларов в год, кто-то гораздо больше. Среди них есть молодые и пожилые, состоятельные люди и пенсионеры. В списке наших спонсоров было около 150 человек и организаций. И все равно – этого очень мало. Наша община только в Нью-Йорке насчитывает, как говорят, полмиллиона человек, а ведь мы выступаем в разных штатах. Поэтому я делаю вывод, что театр русским в Америке все-таки не нужен. Пока. Еще не созрела та часть публики, которая готова поддерживать «свой театр» и хотя бы 3–4 раза в год посещать его спектакли.

Мой опыт убедил меня – существовать в Америке, а тем более в Нью-Йорке, как настоящий (в смысле репертуарный) театр с постоянной труппой на зарплате, со своим зданием, со стабильным репертуаром – это абсолютная утопия. Самое правильное – это работать по типичной американской модели: собрались, поставили спектакль, поиграли его две недели и разошлись до следующего спектакля, который, может быть, будет через полгода. Мне такая система не нравится, но она – единственно возможная в тех условиях. В перерывах актеры работают, где придется.

ЭПИЛОГ НА ПЕРСПЕКТИВУ

С учетом реального рынка, думаю немного поменять профиль театра. Хочу сделать спектакль для американцев – может, они нас поддержат лучше, чем соотечественники. ■

РУССКО-АМЕРИКАНСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР "Блуждающие Звезды"

Александр Журбин
Художественный руководитель

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ!

РУССКИЙ ТЕАТР НА БРОДВЕЕ!

ФЕСТИВАЛЬ РУССКОГО ТЕАТРА В МАНХЭТТЕНЕ!

ли нам действительно сделать нечто, достойное упоминания?

Конечно, с точки зрения большого искусства, если оценивать нашу работу бескомпромиссно, по «большому счету», ответ будет неутешительным. Нам не удалось поставить ничего такого, что могло бы претендовать на роль события. Конечно, прежде всего сказались отсутствие режиссуры, а также дефицит средств, нормальных условий существования. Ведь театральная труппа

должна регулярно собираться, заниматься тренингом, ансамблем, репетициями. А музыкальная труппа должна еще и постоянно работать над вокалом, балетом, пластикой. Конечно, ничего этого у нас нет, не было и не могло быть. Когда готовится какой-то спектакль, то ценой героических усилий мы крайне нерегулярно собираемся, репетируем в каких-то странных помещениях, причем очень редко на репетиции присутствуют все актеры: чаще все-

Режиссер Марк Розовский репетирует с Еленой Соловей в театре «Блуждающие звезды» (США, Нью-Йорк).